

Глава 6

Квартиру, в которой Е Цзэи жил в старшей школе, неподалеку от учебного корпуса, Шао Вэньчжуо хорошо знал — бывал там не раз. Но про это новое жилье, куда Цзэи перебрался только после выпуска, едва ли кто-то догадывался. И Вэньчжуо не должен был стать исключением.

Шао Вэньчжуо помедлил, прежде чем обернуться. Опустив стакан с водой, он неспешно произнес:

— Прошу прощения. Ранее я навел о тебе справки, так что мне известно многое.

Вот как?

Е Цзэи внимательно вглядывался в малейшие изменения на его лице.

Жизнь Шао Вэньчжуо будто рассеклась надвое в двадцать три года — в год, когда погибли его родители.

До этой грани он, при всей своей сдержанной аристократичности, оставался живым человеком: смеялся от души, не умел и не пытался прятать злость или замешательство, и Цзэи легко угадывал его чувства.

После же двадцати трех в памяти Цзэи от него осталась лишь ледяная, въедливая жестокость. И ни тени сочувствия во взгляде.

Вот и сейчас: даже застигнутый врасплох сомнительным вопросом, он держался с безупречным спокойствием. Ни малейшей зацепки.

Неужели и впрямь дело всего лишь в наведенных справках?

Но какому еще объяснению тут найтись?

Е Цзэи вдруг понял, что сказать ему больше нечего.

Оформив бумаги, Е Цзэи перебрался в стационар. Первые пару дней пришлось обходиться жидкой пищей и лишь изредка подниматься с кровати, чтобы пройтись по палате.

Шао Вэньчжуо приходил ежедневно: то утром, то на закате. И каждый раз приносил букет

свежих цветов, аккуратно меняя воду в вазе.

Как-то раз врач обронил, что пациентам, лишенным прогулок на свежем воздухе, полезно находиться среди живых растений — это ускоряет восстановление. Шао Вэньчжуо запомнил эти слова с первого раза.

На четвертый день, когда Цзэи разрешили более твердую пищу, Вэньчжуо привез ему из дома рисовую кашу с грибами и курицей.

Цзэи съел всего пару ложек и оставил пиалу.

— Невкусно? — Шао Вэньчжуо нахмурился. — Я велел домашнему повару приготовить.

— Пресно, — с отвращением отмахнулся Цзэи.

— Я сверился с предписаниями врача и попросил класть поменьше соли и специй. — Шао Вэньчжуо выждал пару секунд, но на этот раз не стал потакать капризам. — Вот подлечишь желудок, А-Цзэ, тогда и съешь все, что захочешь.

Е Цзэи терпеть не мог жирную и тяжелую пищу, зато обожал кислое и острое. Еда от Шао Вэньчжуо хоть и была целебной, но казалась абсолютно безвкусной.

Помявшись немного, Цзэи в упор посмотрел на собеседника и буркнул:

— Ладно, проще с голоду сдохнуть.

Шао Вэньчжуо на мгновение опешил:

— Если уж так немоготу, я буду есть то же самое.

— Выйдешь за дверь и наешься до отвала, — ехидно заметил Цзэи.

— Я слов на ветер не бросаю.

Е Цзэи лишь с досадой вздохнул. И откуда в нем столько упрямой серьезности?

Не проронив больше ни слова, он отвернулся и накрылся одеялом с головой.

Шао Вэньчжуо молча остался стоять рядом.

В таком тоскливом режиме прошла неделя.

В день выписки из подземного паркинга больницы выехал черный седан.

Е Цзэи расслабленно откинулся на спинку кресла, крутя в пальцах ту самую металлическую пластину, которую приставлял к горлу Чжао Цюаня. Избавившись от нее на стройке, он спрятал ее в пожарном гидранте у своей двери. Дома у него хватало подобных образцов из разных сплавов — в свободное время он любил возиться с ними и изучать их свойства. Кто бы мог подумать, что безделушка пригодится в такой момент.

Шао Вэньчжуо косо взглянул на пластину:

— Чистый никель?

Е Цзэи слегка удивился:

— Разбираешься в металлах?

— Немного. Попытался угадать, — ответил Шао Вэньчжуо. — Поверхность гладкая, но блестит не так ярко, как полированная сталь. Больше похоже на необработанную пластину чистого никеля.

Пластина действительно была куском отходов: серебристый, ничем не примечательный с виду кусочек, ничем не отличающийся от никелированной стали или углеродистых сплавов. Даже специалисты в этой области чаще используют приборы для точности, мало кто определил бы с первого взгляда.

Однако, переварив удивление, Цзэи решил, что ничего странного тут нет. Инвесторы в недвижимость так или иначе знают толк в строительных материалах. Шао Вэньчжуо же отличался тем, что привык доходить до самой сути во всем, за что брался, не ограничиваясь вершками.

Но даже с учетом его скромности Цзэи понимал: познания Вэньчжуо куда глубже, чем тот показывает.

Пока он размышлял, Шао Вэньчжуо протянул ему черный футляр.

— Что это?

— Открой и посмотри.

— Не заслужил, чтобы принимать подарки.

— Обычный брелок для ключей. Из моей личной коллекции, ничего ценного. Не нужен — выброси, пусть валяется в подвале и пылится.

Шао Вэньчжуо говорил настолько безапелляционно, что Е Цзэи, поколебавшись, все же забрал коробку.

Внутри лежал кинжал.

Всего дюймов пять в длину, с рыбовидным лезвием шириной в полмизинца и классическим острием с заточкой в шестьдесят градусов. Золоченая рукоять была покрыта тонкой резьбой в виде рун — изящная вещь, но хранящая в себе строгую, хищную грацию.

Е Цзэи чуть не рассмеялся от возмущения:

— И это ты называешь брелоком для ключей?

— Там есть колечко, — с самым серьезным видом парировал Шао Вэньчжуо. — Назовешь брелоком — им и станет.

Е Цзэи на мгновение лишился дара речи.

Шао Вэньчжуо добавил уже серьезнее:

— Полезнее твоей пластины. Носи с собой для самообороны.

Цзэи провел подушечкой пальца по кончику клинка:

— Оружие от тебя. Мы живем в правовом государстве. Если я кого-то покалечу, как планируешь меня выручать?

— Лезвие не заточено, так что ничего страшного, — Шао Вэньчжуо не сводил с него глаз. — Главное, что оружие в твоих руках. А проверять, решится ли псих на убийство, никто не станет.

Пальцы Цзэи замерли. Он вскинул взгляд, встречаясь глазами со спутником.

В тот вечер в квартире Шао Вэньчжуо слышал по телефону всё от начала до конца. Ему

отлично известны безумные и жестокие методы Цзэи.

Любой другой посчитал бы его психом, стал бы читать нотации или держался подальше. А Шао Вэньчжуо просто вложил ему в руки клинок и сказал: ты можешь продолжать в том же духе.

Е Цзэи не находил слов, чтобы описать это чувство. Будто он блуждал в полном одиночестве по замкнутому миру, а Шао Вэньчжуо тайком заглядывал туда — осторожно, издалека, но неотступно шагая рядом.

И когда только это началось? Вроде бы невероятно давно...

Мысли мгновенно унесли его в дождливую ночь шестнадцатилетия...

Ливень стеной обрушился на город, барабания по витринам лавок вдоль улиц.

Цзэи брел наугад, едва держась на ногах. Рассеченный лоб заливала кровь, смешанная с водой, она застилала глаза, но он чувствовал на себе взгляды прохожих.

Любопытство, жалость, вздохи.

И никто — абсолютно никто — не подошел узнать, что случилось.

На нем была рубашка элитной частной школы, расположенной неподалеку, а там учились дети богачей и чиновников. Встревать в драки или травлю избалованных мажоров себе дороже — кому охота рисковать?

Он даже не дрался. Он даже не разглядел лицо того, кто запустил в него стеклянной бутылкой.

И это происходило не впервые. В прошлый раз, когда он вернулся домой в крови, Е Чжэнчу встретил его отборной бранью, обозвав ничтожеством и заявив, что от паршивого щенка толку меньше, чем от уличного попрошайки.

Тогда отец запер его на чердаке на целую неделю, пока не приехала тетя и не забрала его.

Е Цзэи брел по улице, не зная, куда податься.

Шао Вэньчжуо возник словно из ниоткуда, перегородив ему дорогу.

Высокий, в белоснежной рубашке, под большим черным зонтом, он казался невероятно бледным. Цзэи смотрел на него как замороженный. Спустя много лет, вспоминая ту встречу, он все еще думал, что Вэньчжуо в ту ночь казался чистым, неземным светом среди мрака.

Шао Вэньчжуо слегка щелкнул его по лбу:

— Опять обижают?

Е Цзэи насупился и попытался обойти его, но Вэньчжуо перехватил его за запястье:

— А-Цзэ злится?

На плечи Цзэи накинули чужой пиджак. Е Цзэи не знал, чем пахнет эта ткань, но запах запомнился как нечто невероятно приятное.

Вэньчжуо привел его в закрытый клуб неподалеку.

Цзэи впервые оказался в подобном заведении. Шао Вэньчжуо был хорошо знаком с тамошней компанией — видно, тоже пришел развлечься.

Золотая молодежь с откровенным любопытством разглядывала щуплого, ободранного подростка, но Шао Вэньчжуо с ледяным видом велел всем убираться с глаз долой.

Распечатав пластырь, он наклеил его прямо на ссадину Цзэи:

— Если ты не даешь сдачи, это не значит, что тебя пожалеют. Чем беспомощнее ты выглядишь, тем больше азарта у тех, кто тебя мучает.

Цзэи поджал губы и промолчал.

Шао Вэньчжуо вальяжно откинулся на спинку дивана и взял со стола сигарету, привычно крутнув ее в пальцах:

— Отец опять орал?

Цзэи снова не ответил.

— Послушным мальчиком притворяться глупо. А-Цзэ, которого я знаю, не станет сносить обиды. Если тебе что-то не по душе, не пытайся угодить. Раз покорность ничего не меняет, будь собой.

Е Цзэи уставился в пустоту, сжимая кулаки так, что ногти въедались в ладони.

Шао Вэньчжуо едва заметно изогнул бровь:

— Куришь?

Цзэи бросил взгляд на сигарету:

— Нет.

Шао Вэньчжуо выпустил колечко дыма:

— Прожить жизнь, не узнав ни монашеского спокойствия, ни вкуса табака и вина... Зачем тогда вообще появляться на свет?

С этими словами он чиркнул зажигалкой, прикурил свежую сигарету и протянул ее Цзэи, чуть улыбнувшись кончиками губ:

— Все с чего-то начинают.

Больные легкие Цзэи не выносили табачного дыма. Вернувшись домой, он слег с тяжелейшим приступом.

Но с того дня Е Чжэнчу больше ни разу не запер его в темной комнате. Цзэи крушил окна, выбивал двери и кидался на любого, кто пытался его тронуть. В глазах окружающих он превратился в злобного, дикого зверя.

Зато никто больше не смел обижать его открыто.

Лишь теперь Е Цзэи осознал, что втайне завидовал самому себе — тому, шестнадцатилетнему.

Ему следовало оставаться таким до конца. Зачем он потом пытался вернуться на «праведный путь», выслуживаясь перед Е Чжэнчу?

Так называемый «мир» был лишь его односторонним смирением и терпимостью.

Позже, когда Шао Вэньчжуо узнал про его болезнь легких, он уверял, что не знал об этом и не стал бы предлагать сигарету. Цзэи тогда лишь усмехнулся, бросив, чтобы тот не льстил себе — мол, сам захотел попробовать.

Как оказалось, в юности Вэньчжуо вовсе не был непогрешимым святым. Но в прошлой жизни, после свадьбы, Цзэи ни разу не видел его курящим. Интересно, когда он бросил? Должно быть, во время учебы за границей.

— А-Цзэ, о чем задумался?

Голос Шао Вэньчжуо вернул его к реальности. Е Цзэи криво ухмыльнулся:

— Ни о чем. Клинок отличный, спасибо. Правда, скоро мне опять придется стеснять тебя своим присутствием. Не надоело со мной возиться?

— Как это может надоест? — кадык Шао Вэньчжуо едва заметно дернулся. — Я хочу, чтобы ты остался навсегда.

Цзэи замер, убирая футляр с кинжалом.

Он отлично понимал подоплеку этих слов. С момента предложения о браке прошло больше недели, пора бы дать окончательный ответ.

Но Вэньчжуо никогда не давил на него, ограничиваясь лишь прозрачными намеками.

— Кстати, — спросил Шао Вэньчжуо. — Ты принимаешь какие-нибудь лекарства?

Е Цзэи недоуменно посмотрел на него.

— У тебя серьезно поврежден желудок, — пояснил Вэньчжуо. — Я поручил врачам составить курс восстановления. Нужен полный список твоих препаратов, чтобы исключить побочные эффекты.

Цзэи оценил его предусмотрительность. Заботу Шао Вэньчжуо трудно не оценить — любой другой давно бы растаял от такого внимания.

Он вытащил из кармана куртки небольшой пузырек.

Шао Вэньчжуо принял его:

— Что это?

— Я постоянно торчу на стройках и в цехах, а там пылица. Врач выписал средство для профилактики легочных осложнений.

Обычные поддерживающие таблетки. Но он носил их с собой повсюду и пил дисциплинированнее, чем питался.

Шао Вэньчжуо несколько секунд молча разглядывал флакон:

— И ты пьешь их каждый день? Все эти годы?

— Привык уже, — безразлично отозвался Цзэи.

Шао Вэньчжун нахмурился и обратился к водителю:

— Ся Айцзинь, отдай на экспертизу.

Ся Айцзинь за рулем тут же отозвался:

— Понял, шеф, сделаем в лучшем виде! Кстати, по поводу Чжао Цюаня — вопрос почти закрыт. У него был шанс на апелляцию, но он попытался потопить за собой Е Чэньси, так что теперь ему точно крышка. Е Чэньси, конечно, жесткий тип — со своим давним подручным расправился без малейшего сожаления.

Е Цзэи хмыкнул:

— Ты его недооцениваешь.

Шао Вэньчжун хоть и плел интриги, но действовал открыто: наживка брошена, кто попался — сам виноват. А вот Е Чэньси был подлым, изворотливым и готовым на любую грязь ради цели.

Машина остановилась у поместья Шао.

И снова он здесь.

Е Цзэи невольно вздохнул: проживая жизнь заново, от некоторых маршрутов все равно не уйти.

Домработница с восторгом провела его по всему дому, показывая передний и задний дворы, гостиную, столовую, зоны отдыха и спортзал, словно горя желанием обрисовать каждый угол.

Впрочем, особняк был Цзэи отлично знаком, так что он просто прогулялся ради легкой разминки.

— Второй этаж — хозяйская зона, там спальни и кабинет. Молодой господин Е, ваша комната в восточном крыле. Там отличное освещение, есть гардеробная, ванная и столик для ухода.

Поднимаясь по лестнице, Е Цзэи заметил, что весь второй этаж, начиная со ступеней, застлан

плотными коврами. В прошлый его визит ничего подобного не было.

Он удивленно спросил:

— А ковры когда постелили?

Ся Айцзинь, шедший следом, ляпнул:

— Да сразу после того, как вы уехали! Босс распорядился весь второй этаж коврами застелить.

— Зачем?

— Сказал, вы мерзнете часто и обувь дома носить не любите.

Е Цзэи застыл. Сердце пропустило удар.

— Откуда он знает, что я хожу босиком?

<http://bllate.org/book/20083/1991331>